

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ. В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФИЛОСОФИИ ВОЙНЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

**Наталья Александровна
Лунькова**

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Институт истории Санкт-Петербургского
государственного университета
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32 А,
Москва, 119334, Россия;
Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург,
199034, Россия
Электронный адрес: lunkova_n@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9193-3890

**Алексей Геннадьевич
Ляпустин**

Кандидат философских наук, доцент,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ленинские горы, МГУ,
Москва, 119234, Россия
Электронный адрес: a.ljapustin@list.ru
ORCID: 0009-0000-8929-003X

Аннотация

В статье исследуется «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в аспекте русской национальной идеи, рассматриваются вопрос о «гуманизме» писателя и философские истоки его понимания войны. В «Дневнике писателя», занимавшем особое место в русской периодической печати 1870-х гг. и нашедшем широкий общественный отклик, наряду с другими социально-политическими темами особое место уделялось освещению событий эпохи Восточного кризиса 1870-х гг. и роли России в решении восточного вопроса. Анализ корреспонденции писателя выявил, что большинство читателей «Дневника» неравнодушно относились к судьбам балканских славян и благодарили писателя за статьи о «славянском деле». В статье аргументируется необходимость изучения журнала Достоевского как синтетического произведения, фрагментарный подход к исследованию которого влечет за собой искажение авторской позиции. Было показано, что рассмотрение философии войны Достоевского не может ограничиваться лишь социально-политической сферой, поскольку главенствующие позиции в творчестве писателя занимают философская и религиозная компоненты. Достоевский видел мессианскую роль России в войне за освобождение балканских славян в том, что она способна обновить мир на основе православия, где сохранен подлинный облик Христа, в связи с чем представляется некорректным отнесение идей писателя к гуманистическим. В работе опровергается мысль о том, что одним из истоков формирования представлений Достоевского о феномене войны были работы И. Канта, и проводятся параллели между толкованиями войны Гегеля и Достоевского, говоривших о мессианском предназначении немецкого и русского народа соответственно, а также усматривавших в войне залог нравственного здоровья нации, что позволяет сделать вывод о философском диалоге немецкой и русской культур, оказывавшем влияние на русский интеллектуальный дискурс 1870-х гг.

Ключевые слова

Православие, история России, русская философия, русская идея, национализм, публицистика, диалог культур, Достоевский, Кант, Гегель

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-78-10045 «Национальные движения в империи имперской легитимности: революции, восстания, бунты, мятежи в славянских землях в риторике российской власти долгого XIX века».

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2025 г.

Статья доработана автором 11 мая 2025 г.

Статья принята в печать 28 мая 2025 г.

Цитирование: *Лунькова Н. А., Ляпустин А. Г.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в «Дневнике писателя»: о некоторых аспектах философии войны Ф. М. Достоевского // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 53–70. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.03>

RUSSO-TURKISH WAR OF 1877–1878 IN “A WRITER’S DIARY”: ABOUT SOME ASPECTS OF F. M. DOSTOEVSKY’S PHILOSOPHY OF WAR

Natalia A. Lunkova

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences;
Institute of History,
St Petersburg University
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia;
Mendeleevskaya Line, 5,
Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: lunkova_n@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Alexey G. Lyapustin

Ph. D., Associate Professor,
M. V. Lomonosov Moscow State University
Postal address: Leninskiye Gory, MSU,
Moscow, 119991, Russia
E-mail: a.lyapustin@list.ru
ORCID: 0009-0000-8929-003X

Abstract

The article examines Fyodor Dostoevsky’s “A Writer’s Diary” in the context of the Russian national idea, and considers the issue of the writer’s “humanism” and the philosophical origins of his understanding of war. In “A Writer’s Diary,” which occupied a special place in the Russian periodical press of the 1870s and found a wide public response, along with other socio-political topics, special attention was given to covering the events of the era of the Balkan crisis of 1875–1878 and the role of Russia in resolving the Eastern Question. The analysis of the Dostoevsky’s correspondence revealed that most readers of the “Diary” were not indifferent to the fate of the Balkan Slavs and thanked the writer for his articles on the “Slavic cause.” The article argues for the need to study Dostoevsky’s journal as a synthetic work, a fragmentary approach to the study of which entails a distortion of the author’s position. It is shown that the consideration of Dostoevsky’s philosophy of war cannot be limited to the socio-political sphere, since the philosophical and religious components occupy the leading positions in the writer’s work. Dostoevsky saw the messianic role of Russia in the war for the liberation of the Balkan Slavs in the fact that it is capable of renewing the world on the basis of Orthodoxy, where the authentic image of Christ is preserved, in connection with which it seems incorrect to classify the writer’s ideas as humanistic. The work refutes the idea that one of the sources of the formation of Dostoevsky’s ideas about the phenomenon of war were the works of Immanuel Kant, and parallels are drawn between the interpretations of war by Hegel and Dostoevsky, who spoke of the messianic destiny of the German and Russian people, respectively, and also saw in war a guarantee of the moral health of the nation; This allows us to draw a conclusion about the philosophical dialogue between German and Russian cultures, which influenced Russian intellectual discourse in the 1870s.

Keywords

Orthodoxy, history of Russia, Russian philosophy, Russian idea, nationalism, journalism, dialogue of cultures, Dostoevsky, Kant, Hegel

Funding

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation № 23-78-10045 “National movements in the optics of imperial legitimacy: revolutions, uprisings, riots, riots in the Slavic lands in the rhetoric of the Russian authorities of the long 19th century.”

Received 3 April 2025

Revised 11 May 2025

Accepted 28 May 2025

For citation: Lunkova, N. A., Lyapustin A. G., 2025. Russo-Turkish War of 1877–1878 in “A Writer’s Diary”: About Some Aspects of F. M. Dostoevsky’s Philosophy of War. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 53–70. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.03>

ВВЕДЕНИЕ.

СВОЕОБРАЗИЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ

«Дневник писателя» — моножурнал Ф. М. Достоевского — занимает особое место среди русских периодических изданий, освещавших вопросы внешней и внутренней политики Российской империи, а также события на Балканах 1870-х гг. (восстания в Боснии и Герцеговине, Болгарии, русско-турецкую войну 1877–1878 гг.). Появившись в 1873 г. как отдел газеты-журнала «Гражданин», «Дневник писателя» (далее также — «Дневник») существовал в дальнейшем как самостоятельное издание (1876–1878, 1880–1881). Тематика журнала была чрезвычайно разнообразна: размышления о российской геополитике соседствовали с освещением судебных разбирательств, комментарии к событиям общественной жизни — с впечатлениями автора от прочитанных литературных произведений.

Одной из ключевых особенностей «Дневника» был характер взаимодействия автора и читателя, «уставшего от холодной риторики охранительной и либеральной печати»¹. Публику привлекали личностное начало и откровенный тон «Дневника». Типографский наборщик М. А. Александров в своих воспоминаниях о Достоевском и о работе с его журналом отмечает, что «контингент читателей “Дневника писателя” составлялся главным образом из интеллигентной части общества, а затем из любителей серьезного чтения всех слоев русского общества»², общение же читателей с Достоевским было «беспримерным». Александров упоминает о большом количестве писем, которые получал Достоевский по поводу опубликованных

¹ Волгин И. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 70.

² Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. / сост. и комм. К. Тюнькина. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 280.

статей, о визитах к писателю: «Некоторые говорили Федору Михайловичу, что они читают его “Дневник” с благоговением, как Священное писание; на него смотрели одни как на духовного наставника, другие как на оракула и просили его разрешать их сомнения насчет некоторых жгучих вопросов времени. И Федор Михайлович любовно принимал этих своих клиентов и беседовал с ними, читал их письма и отвечал на них»³.

Достоевский действительно чрезвычайно ценил возможность непосредственного контакта с аудиторией (письмо Х. Д. Алчевской от 3 марта 1876 г.): «Писателю всегда милее и важнее услышать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему читателя, чем прочесть какие угодно себе похвалы в печати»⁴. Оценивая вклад своей аудитории в работу над «Дневником», Достоевский писал следующее: «Я <...> считаю многочисленных корреспондентов моих моими сотрудниками. Мне много помогли их сообщения, замечания, советы и та искренность, с которою все обращались ко мне»⁵.

Достоевский был одним из тех общественных деятелей, которые активно участвовали в обсуждении балканских событий 1876 г. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С. А. Кочуков, анализируя интерес русского общества к событиям эпохи Восточного кризиса 1870-х гг., подчеркивает его всеобъемлющий характер. В центре общественных дискуссий, по наблюдениям С. А. Кочукова, были вопросы о том, какие формы должна иметь помощь балканским славянам в их борьбе за независимость, как быстро должно быть осуществлено военное вмешательство, каково соотношение позиций общества и власти в решении внешнеполитических проблем. Он также отмечает наличие в русском обществе 1870-х гг. двух противоположных тенденций: «“Партия Ф. М. Достоевского” считала, что Российская империя выполняет особую историческую миссию, заключающуюся в сплочении вокруг нее славянских народов на основе православия, в то время как “партия И. С. Тургенева” отрицала значение религиозного фактора, полагая, что целью войны является не защита православия, а освобождение славян»⁶.

Достоевский действительно усматривал в широкой общественной поддержке славян историческую черту русского народа, активно развивая эту тему на страницах «Дневника» («...Искание доброго приняло в народе нашем почти что одну эту форму, то есть форму покаянную, в паломническом или жертвенном виде <...>. Дело это было ведено прямо, как Христово дело, а у многих, у очень многих в тайниках души их – именно как

³ Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях... С. 281.

⁴ Алчевская Х. Д. Достоевский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / сост. и комм. К. Тюнькина. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 325.

⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1984. Т. 26: Дневник писателя. 1877 сентябрь — декабрь, 1880 август. С. 126.

⁶ Кочуков С. А. Отношение образованного общества России к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Власть. 2011. № 11. С. 165.

очистительное и покаянное дело. <...> Воли царевой, слова его все ждали в умилении и надежде, а мы, мы, сидя по углам нашим, радовались еще про себя, что великий народ русский оправдал великую и вечную надежду нашу на него»⁷). И трудно переоценить то влияние, которое оказывал его журнал на русский интеллектуальный дискурс 1870-х гг. с учетом широкого резонанса, вызванного этим изданием, что свидетельствует о его немаловажной роли в формировании точки зрения общества среди прочего на политические, социальные явления эпохи. Исследование корреспонденции Достоевского показывает, что среди откликов читателей на восстания, вспыхнувшие на Балканах, а затем на русско-турецкую войну встречались такие, где слышался упрек писателю в том, что он не может «устоять против волшебного действия ослепительной и потрясающей декорации восточной войны» и оживляет «призраки крестовых походов»⁸. Однако большинство авторов писем было благодарно Достоевскому за освещение этих событий: «Людам, которые верят в славянское дело, которым удалось принять хоть маленькое участие в неравной борьбе славян с турками, тяжело встречать повсюду одно только холодное резонерство окружающего их общества <...>. При подобных обстоятельствах статьи Ваши, полные энергии, веры и задушевности, доставили мне, верующему в славянское дело и имевшему счастье быть в нем действующим лицом, хотя и совершенно незаметным, истинное утешение и отраду...»⁹.

Рецепция Достоевским русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и — шире — событий времен Восточного кризиса неразрывно связана не столько с геополитическими задачами России, сколько с ее религиозной миссией. Достоевский видит русско-турецкую войну как «неслыханную войну, за слабых и угнетенных, для того чтоб дать жизнь и свободу, а не отнять их»¹⁰, в связи с чем возникает необходимость обратиться к толкованию феномена войны в «Дневнике писателя» и его философской составляющей, сделав ряд уточнений, касающихся вопроса о «гуманизме» Достоевского и философских концепций, послуживших основой трактовки феномена войны в «Дневнике».

О МЕТОДЕ АНАЛИЗА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Следует оговориться, что нередко публицистические главы «Дневника» рассматриваются изолированно от его художественной составляющей. Как отмечает Т. А. Касаткина, такой подход ведет к искажению интерпретации авторской идеи, поэтому нецелесообразно анализировать их отдельно друг от друга, с нарушением их логико-смысловых взаимосвязей: «Если мы

⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1983. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. С. 217.

⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1981. Т. 22: Дневник писателя за 1876 год. Январь — апрель. С. 311.

⁹ Там же.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 25. С. 197.

не следуем этому простому правилу, то уходим очень далеко от авторской идеи»¹¹. Этой же точки зрения придерживаются И. Л. Волгин («...Публицистические моменты “Дневника” как бы “вдвинуты” в его художественную структуру и сами являются частью последней»¹²) и Н. А. Тарасова, полагающая, что в синтезе художественного и публицистического в «Дневнике» можно «сквозь налет наносного и внешнего, “прямолинейность явлений” и “тиранию косной причины” увидеть мир и человеческое бытие в свете идеала»¹³. Е. А. Акелькина, исследуя особенности поэтики «Дневника», замечает: «Да не будет читатель обманут литературными, политическими, журналистскими, уголовными темами и эпизодами — все они даны в аспекте вечности. Ткань философского повествования строится на динамике внешнего (“другого”) и внутреннего (“Я”), на чередовании “вживания” и “отчуждения”, укрупнения обобщений и интимизации личного опыта»¹⁴.

Как показывает ряд работ последних лет, из поля зрения ученых, сосредоточивающихся на одном определенном аспекте «Дневника», в частности на авторской трактовке войны, исчезают и философская составляющая, и религиозная компонента, которые играют ключевую роль в творчестве писателя. Так, Е. В. Волкова, подробно освещая историческую концепцию Достоевского, описанные в «Дневнике» аспекты социальной жизни, нигде не упоминает о христианстве, сквозь призму которого Достоевский рассматривает действительность: это приводит автора к спорному выводу о том, что писатель «верен исторической правде», но в то же время «историческая правда подменялась желанием видеть существующее положение дел лучше, чем было оно на самом деле»¹⁵. При анализе творчества Достоевского важно не столько внешнее, натуралистическое, сколько внутренняя идея, скрытая за этим: Касаткина в своих работах убедительно доказывает, что «за внешним сюжетом, за внешней историей в произведениях писателя стоит старинный сюжет, древняя история — сюжет и история, являющиеся фоном всей жизни человека-христианина, — история Христа»¹⁶.

¹¹ Касаткина Т. А. Художественные тексты в составе «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского: контекстный анализ // Вопросы литературы. URL: <https://voplit.ru/article/hudozhestvennye-teksty-v-sostave-dnevnika-pisatelya-f-m-dostoevskogo-kontekstnyj-analiz/> (дата обращения: 11.03.2025).

¹² Волгин И. Л. «Дневник писателя»: текст и контекст // Достоевский: Материалы и исследования / ред. Г. М. Фридендер. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. Т. 3. С. 158.

¹³ Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): Критика текста. М.: Квадрига; МБА, 2011. С. 270.

¹⁴ Акелькина Е. А. «Дневник писателя» за 1876–1877 гг. // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 267.

¹⁵ Волкова Е. А. «Дневник писателя» как отражение исторической концепции Ф. М. Достоевского // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. URL: <https://vestnik.rsu-rzn.ru/wp-content/uploads/2016/12/2.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁶ Касаткина Т. А. Художественные тексты в составе «Дневника писателя»...

«ГУМАНИЗМ» ДОСТОЕВСКОГО

Игнорирование религиозно-философского дискурса Достоевского может привести к мысли о том, что в своей трактовке войны, вооруженного противостояния Российской империи и ее политических противников автор «Дневника» якобы вступает в конфликт с собственными нравственными идеалами: «Непонятно куда делся “гуманизм Достоевского”, который буквально толкал тысячи людей в кровавую мясорубку войны. Гуманизм Достоевского, который определяют то как христианский, то как абстрактный, то как общечеловеческий, можно назвать условно, конечно, гуманизмом надрыда, крайним гуманизмом. Достоевский не мог не понимать, что любой вооруженный конфликт стоит крови. Но вместе с тем призывы писателя с каждой новой страницей “Дневника” становятся все агрессивнее»¹⁷.

Мы разделяем мнение С. А. Кочукова о том, что «Достоевский 70-х гг. XIX в. — это непоколебимый сторонник войны»¹⁸, однако мировоззрение писателя отнюдь не следует рассматривать в русле идей европейского гуманизма. О природе гуманистической концепции в работе «Достоевский о Европе и славянстве» сербский богослов преподобный Иустин Попович пишет, что «в догмате о непогрешимости человека открылась главная тайна европейского человека. <...> Догматом о непогрешимости человека он решительно и окончательно изгнал из Европы Богочеловека и воцарил человекобога»¹⁹. Обратим внимание на то, что Достоевский в «Дневнике» рассуждает о крахе гуманизма, об опасности человеколюбия: «...любовь к человечеству даже совсем немислима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой. Те же, которые, отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, “любовью к человечеству”, те, говорю я, поднимают руки на самих же себя; ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству»²⁰. В своем анализе «Дневника писателя» К. В. Мочульский справедливо полагает, что «гуманизм XIX века, оторвавшись от своих христианских корней, превращается в ненависть и всеобщую войну»²¹.

По Достоевскому, миссия России при разрешении Восточного вопроса заключена в том, чтобы обновить мир в духовном отношении, обновить на основе православия, где сохранен подлинный облик Христа: «Спросите

¹⁷ Кочуков С. А. Ф. М. Достоевский и русско-турецкая война 1877–1878 годов // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 71.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Иустин (Попович), прп. Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб: Сретенский монастырь, 2002. С. 199.

²⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1982. Т. 24: Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь — декабрь. С. 49.

²¹ Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. PARIS: YMCA-PRESS, 1947. С. 464.

народ, спросите солдата: для чего они подымаются, для чего идут и чего желают в начавшейся войне, — и все скажут вам, как один человек, что идут, *чтоб Христу послужить* (курсив наш. — Н. Л., А. Л.) и освободить угнетенных братьев, и ни один из них не думает о захвате»²². Назначение русского народа, согласно Достоевскому, есть «служение Христу, а царя ее — хранение Христовой веры и освобождение православия»²³. Иными словами, антропологизм Достоевского глубоко христианский, чуждый гуманизма европейского, «человекобожеского». По мысли Н. А. Бердяева, «именно исключительное отношение Достоевского к человеку делает его христианским писателем. Гуманисты не знают такого отношения к человеку, для них человек есть лишь природное существо»²⁴.

О ФИЛОСОФСКИХ ИСТОКАХ ПОНИМАНИЯ ВОЙНЫ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»

Что же касается философских теорий, которые послужили основой философии войны Достоевского, то ряд ученых полагает, что речь идет о размышлениях о войне И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. Для корректного обоснования указанного влияния необходимо выяснить, были ли известны русскому писателю труды немецких философов-классиков. О Канте Достоевский упоминает лишь раз в письме из Омска брату Михаилу (30 января — 22 февраля 1854)²⁵, где среди обширного списка книг (труды историков, экономистов, отцов Церкви), которые он просит передать, есть и «Критика чистого разума» (в которой темы войны и нравственности не затрагиваются в принципе). Указание же на то, что Достоевский общался с людьми, читавшими Канта (например, с Н. Ф. Федоровым и Вл. С. Соловьевым), не может быть серьезным аргументом в пользу его непосредственного знакомства с философией «кенигсбергского отшельника»²⁶. Гораздо больше оснований в том, чтобы в положительном ключе решить вопрос о знании писателем философии Гегеля. В упомянутом выше письме содержится настоятельная просьба прислать «непременно Гегеля»: «С этим вся моя будущность соединена!»²⁷. Надежда Достоевского на соединенность его судьбы со взглядами Гегеля не могла быть не связана с тем фактом, что ему была известна его философия в общих чертах. Это знакомство могло состояться на собраниях философских кружков западников, на которые молодого писателя приглашал гегельянец В. Г. Белинский.

²² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 25. С. 100.

²³ Там же. С. 69.

²⁴ Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. С. 36.

²⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1: Письма 1832–1859. С. 166–174.

²⁶ См.: Мехед Г. Н. Опыт сравнительного исследования этики И. Канта и Ф. М. Достоевского: методологический комментарий // Философская мысль. 2016. № 11. С. 130–143. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.11.2030>

²⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 28. Кн. 1. С. 173.

Утверждения о том, что писатель формирует свою антипацифистскую позицию, опираясь на философские взгляды Канта²⁸, звучат крайне неубедительно. Так, в статье, посвященной исследованию философии войны Достоевского, А. А. Юдахин приводит цитату из «Критики способности суждения», где немецкий мыслитель относит войну к возвышенным категориям, а также высказывание из произведения «К вечному миру», в котором утверждается присущность войны человеческому роду. Выбранный метод — сопоставление случайных цитат, вырванных из контекста и не соотнесенных с общей мировоззренческой позицией мыслителя, — не представляется нам удачным. Цитаты из Канта о войне отнюдь не убеждают в том, что философ считает ее относящейся к моральной сфере. Называя войну «динамически возвышенным»²⁹, Кант ставит ее в один ряд с природными явлениями (ураган, землетрясение, шторм), вызывающими у человека одновременно и ужас, и восхищение. И если другая эстетическая категория — прекрасное — действительно может иметь этический смысловой оттенок (символ благого), то возвышенное, будучи тем, что своей силой и мощью подавляет человека, к моральной сфере явно индифферентно.

В произведении «К вечному миру» война характеризуется как «печальное, вынужденное средство в естественном состоянии <...> утвердить свои права силой»³⁰. Юдахин ссылается на содержащуюся во втором разделе мысль о том, что война присуща самой природе человека и проистекает из необходимости продемонстрировать такую добродетель, как доблесть. Это дает повод исследователю провести параллели с идеей Достоевского: «огромные народные потрясения, вроде войны, были бы спасительны»³¹, и по законам человеческой природы войны должны быть каждые 25 лет. Очевидно, однако, что у Канта и у Достоевского акценты расставлены по-разному.

Для Канта состояние войны есть такое, когда «человеческий род при этом выступает для нее (природы. — *Н. Л., А. Л.*) не столько человеческим, сколько животным классом»³². Поэтому отказ от войны и достижение устойчивого мира, по мнению немецкого мыслителя, является демонстрацией того, что человек перестает быть природным существом и становится гражданином мира морали, где главным ориентиром является свобода.

²⁸ См.: Юдахин А. А. «Не всегда война бич, иногда и спасение»: философия войны Ф. М. Достоевского // Вестник Адигейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2022. Вып. 4 (307). С. 104–114. <https://doi.org/10.53598/2410-3489-2022-4-307-104-114>

²⁹ Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. С. 130.

³⁰ Кант И. К вечному миру // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

³¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 24. С. 269.

³² Круглов А. Н. Беллицистский взгляд Гегеля на войну. Исходное состояние и ранние произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 3. С. 647.

Достоевский же в «Дневнике» возражает тем, кто полагает, что «накопившееся сознание, наука и гуманность, рано ли, поздно ли, непременно должны ослабить вековечный и зверский инстинкт неразумных наций и вселить, напротив, во всех народах желание мира, международного единения и человеколюбивого преуспевания»³³, так как в той исторической ситуации, в которой оказалась Россия, «столь бескорыстно и правдиво ополчившаяся теперь на спасение и на возрождение угнетенных племен, впоследствии и усилится ими же, то все же, и в этом даже случае, явит собою самый исключительный пример»³⁴. Достоевский стремится убедить читателей в том, что война на Балканах есть «подвиг самопожертвования кровью своею за все то, что мы почитаем святым»³⁵, и такая война есть «вовсе не “вековечный и зверский инстинкт неразумных наций”, а именно первый шаг к достижению того вечного мира, в который мы имеем счастье верить»³⁶.

Наиболее сильным аргументом в пользу пацифистской позиции И. Канта является, на наш взгляд, его этическая философия, которая находится в противоречии с философией войны. Основу этики Канта составляет его знаменитый категорический императив, имеющий две известные формулировки: 1) «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»³⁷ («Основоположения метафизики нравов», 1785); 2) «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства»³⁸ («Критика практического разума», 1788). Очевидно, что обе эти формулировки исключают войну из моральной сферы. Война никогда не рассматривает отдельного человека (и даже человечество) как цель, напротив, для нее люди — средство для достижения каких-либо политических целей. Смысл формулировки категорического императива из «Критики практического разума» заключается в отождествлении субъективного воления (максимы) и всеобщего закона. Другими словами, любой поступок человека расценивается с позиции того, может ли он стать нормой для действия всех людей. Война предполагает убийство, а последнее ни в коем случае не может быть оправдано с точки зрения кантовского морального закона. Причем запрет на убийство возводится в абсолют: даже если оно совершается с целью защиты своего Отечества, оно неприемлемо.

Для Достоевского не характерен подобный подход к пониманию войны. В «Дневнике» он выделяет два типа военных конфликтов: первый — «война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство,

³³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 25. С. 99.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 98.

³⁶ Там же. С. 100.

³⁷ Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 205.

³⁸ Там же. С. 409.

продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия»³⁹, второй — международная, политическая война, полезная тем, что дает людям возможность приобщиться к великодушным идеям («Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество или даже просто отстаивая интересы своего отечества»⁴⁰). Автор вкладывает в уста своего героя-парадоксалиста важную мысль о том, что христианство в «высшем, нравственном смысле» «отвергает войны и требует братолюбия», однако в современном обществе мало кто меряет людей христианской меркой — «меряют карманом, властью, силой»⁴¹, а это влечет за собой неравенство, и только война способна равнять «всех во время боя», она «мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства — в жертве жизнью за общее дело, за всех, за отечество»⁴².

Возвращаясь к пацифистской позиции Канта, которую, как было нами показано, не разделяет Достоевский, отметим, что влияние кенигсбергского мыслителя на последующих немецких философов несомненно, однако же его трактовка войны не нашла отклика у его последователей. По верному замечанию М. К. Мамардашвили, «во времена Канта еще не было понятия “нация” и тем более не было национал-философов, т. е. идеологов, которые под барабанный бой своих фраз хотели вести вперед народы, свои, конечно, народы»⁴³. Уже И. Г. Фихте «...отошел от кантовского идеала вечного мира и признал правомерность войн, в том числе и тех, которые ведутся во имя достижения “естественных границ” государства»⁴⁴. Полной противоположностью кантовской концепции «вечного мира» стала политическая философия Гегеля, которая, как мы предполагаем, возымела влияние на философию войны Достоевского.

В общественных настроениях в Пруссии периода Реставрации (1815–1840 гг.) и в России в канун русско-турецкой войны 1877–1878 гг. можно наблюдать сходные тенденции, что нашло отражение в представлениях Гегеля и Достоевского об особом предназначении своих народов. Как правильно подчеркивает Т. Г. Румянцева, «в отличие от И. Канта Г. Гегель жил в иную историческую эпоху — эпоху “великих войн”, которые многие европейские мыслители, включая и Гегеля, рассматривали именно как *освободительные войны*...»⁴⁵. В начале XIX в. Германия была раздроблена, «ее скреплял только рыхлый Германский союз, этот секуляризированный преемник “Священной римской империи”, о восстановлении которой

³⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 22. С. 123.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 125.

⁴² Там же. С. 126.

⁴³ Мамардашвили М. Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002. С. 11.

⁴⁴ Румянцева Т. Г. Г. Гегель о правомерности и нравственном значении войн versus кантовской идеи «вечного мира» // Социология. 2013. № 2. С. 70.

⁴⁵ Там же. С. 73.

не было и речи»⁴⁶. Но главным фактором, демонстрирующим отсутствие национального единства Германии, было то, что «в союзе оказались и иностранные монархи»⁴⁷. В немецком сознании зарождается мысль о возрождении единства народа, основанном на национальном принципе: «С этой точки зрения объединенная Германия, разлив свои неисчислимые и еще никогда не использованные силы, сможет стать ангелом-хранителем всего человечества. <...> Чарующая утопия охватывающего весь мир национального призвания являлась своеобразной компенсацией за удручающую современность»⁴⁸. В своей историософской теории Гегель также приходит к мысли, что мировой разум, управляющий историческим процессом, делает это посредством выведения на мировую арену духа конкретного народа, которому отведена всемирно-историческая роль.

Говоря о философских основаниях антипацифистской позиции Гегеля, отметим, что они заложены в его диалектике, чьим фундаментом является закон единства и борьбы противоположностей, но именно момент противоборства позиционируется как первичный. Еще античный диалектик Гераклит Эфесский писал: «Должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей (δίκη)»⁴⁹ или «война (Πόλεμος) — отец всех, царь всех»⁵⁰. Гегель прямо говорит о том, что «нет ни одного положения Гераклита», которого он «не принял в свою “Логикку”»⁵¹. Так, в «Конституции Германии» немецкий философ полагает, что два противоборствующих государства (для каждого из них своя система права является истинной) могут решить вопрос о победе одного над другим только посредством войны: «...оба эти противоречащие друг другу права в равной степени истинны, и нарушить их равенство (ungleich machen), чтобы они могли объединиться, что происходит путем уступки одного [права] другому, должно, следовательно, только нечто третье — и это есть война»⁵². Гегель убежден: «Здоровье государства обнаруживается не столько в покое мирного времени, сколько в движении войны»⁵³. Та же мысль звучит и в его работе «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве», где говорится о двух сторонах отношений между народами — положительной (мире) и

⁴⁶ Патрушев А. И. Германская история. М.: Весь Мир, 2003. С. 80.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 77.

⁴⁹ Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов / изд. подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. С. 201.

⁵⁰ Там же. С. 202.

⁵¹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М.: Партиздат, 1932. Т. 9: Лекции по истории философии. Кн. 1. С. 246.

⁵² Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 140.

⁵³ Там же. С. 65.

отрицательной (войне). Постулируя абсолютную необходимость обеих, философ отмечает, что война, которая устраняет единичности во имя общего, «сохраняет нравственное здоровье (*sittliche Gesundheit*) народов»⁵⁴. Сходные мысли обнаруживаем и у Достоевского: для него вооруженный конфликт на Балканах — это «война из-за великодушной цели, из-за освобождения угнетенных, ради бескорыстной и святой идеи, — такая война лишь очищает зараженный воздух от скопившихся миазмов, лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень, объявляет и ставит твердую цель, дает и уясняет идею, к осуществлению которой призвана та или другая нация. Такая война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию»⁵⁵.

Итак, если у Гегеля «ангелом-хранителем» выступает народ немецкий, то у Достоевского эта мессианская роль отведена «матери-заступнице» в образе русского народа: «...Мать — Россия новых родных деток нашла, и раздался ее великий жалобный голос об них. И именно деток, и именно материнский великий плач»⁵⁶. На страницах «Дневника» угнетенные балканские славяне неоднократно представлены писателем как дети России, которые должны быть спасены и от турок, и от «piccola bestia» — премьер-министра Великобритании Бенджамина Дизраэли (1804–1881), с 1876 г. — графа Биконсфилда. Упоминая о нем, Достоевский многократно прибегает к образу тарантула («Паук, паук, *piccola bestia*; действительно, ужасно похож; действительно, маленькая мохнатая *bestia*! И ведь как шибко бегаёт! Ведь это избиение болгар — ведь это он допустил, куда — сам и сочинил; ведь он романист, и это его *chef-d'œuvre*»⁵⁷): в художественном мире писателя именно образ паука — символического противника Божьей Матери — тесно связан с мотивами смерти, жестокости, детоубийства. С его помощью Достоевский усиливает антитезу Европы и России, которой он отводит роль матери — заступницы славянских детей⁵⁸.

Необходимо упомянуть и о том, что «всеобъемлющий характер интерес образованного общества к балканским проблемам приобрел сразу же по окончании Крымской войны 1853–1856 гг. Вероятнее всего, в этом не последнюю роль играли и реваншистские настроения»⁵⁹. На страницах

⁵⁴ Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. С. 229.

⁵⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 25. С. 102.

⁵⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1981. Т. 23: Дневник писателя за 1876 год. Май — октябрь. С. 102.

⁵⁷ Там же. С. 110.

⁵⁸ См. подробнее: Лунькова Н. А. «Мать — Россия новых родных деток нашла...»: о роли образа ребенка в трактовке славянской идеи в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 196–208.

⁵⁹ Кочуков С. А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов: Изд-во «Наука», 2012. С. 136.

«Дневника» Достоевский, эти настроения явно разделявший, убеждает читателей, что посредством русско-турецкой войны «великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединении всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского»⁶⁰. Стремясь определить положение русских среди других наций и объяснить их роль в спасении балканских славян, Достоевский замечает, что «есть народы благоразумные, честные и умеренные», но они «далеко не пойдут»⁶¹, русский же народ не принадлежит к их числу. Писатель настаивает на следующем: «Вера в то, что хочешь и можешь сказать последнее слово миру, что обновишь наконец его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в силу своей любви и жажды служения человечеству, — нет, такая вера есть залог самой высшей жизни наций, и только ею они и принесут всю ту пользу человечеству, которую предназначено им принести <...>. Только сильная такой верой нация и имеет право на высшую жизнь»⁶². Именно у русских, по Достоевскому, и есть эта «вера всеобщая, живая, главнейшая»⁶³, что утверждает исключительную позицию русского народа среди остальных в духе гегелевской трактовки национальной идеи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наблюдения, сделанные нами в ходе анализа вопросов, касающихся авторской трактовки феномена войны в «Дневнике писателя», позволили прийти к следующим выводам. Синтетическая природа «Дневника» определяет метод работы с этим произведением, подразумевая его комплексное изучение, а не вычленение отдельных эпизодов, затрагивающих ту или иную проблематику. «Фрагментарный» подход, в частности, затрудняет понимание войны в «Дневнике», так как при попытке исследователей сфокусироваться только на освещении Достоевским исторических фигур и событий вне их религиозно-философского дискурса происходит искажение авторского замысла, включая попытки обвинить Достоевского в отсутствии «человеколюбия», которое он в принципе отрицал в его европейском понимании. Активно участвуя в общественной дискуссии 1870-х гг. относительно освобождения славянских народов от турецкого господства, Достоевский, чей «Дневник писателя» находил широкий отклик у тогдашней читательской аудитории, ставил на первое место русскую идею,

⁶⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 25. С. 195.

⁶¹ Там же. С. 19.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

базирующуюся на особой миссии православия, которое Россия призвана нести миру, чтобы обновить его на этой основе. Именно религиозный фактор имел для писателя важнейшее значение в вопросе объединения славян во главе с Российской империей. С точки зрения же непосредственно философских теорий, ставших фундаментом авторской трактовки войны, Достоевский, как нами было продемонстрировано, близок к Гегелю с его идеей всемирно-исторической роли конкретного народа, но не к Канту с его абсолютом нравственного закона. Таким образом, диалог русской и немецких культур осуществлялся в русле идей национализма, оказывая влияние на развитие русской общественной мысли 1870-х гг.

Источники

- Александров М. А.* Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. / сост. и комм. К. Тюнькина. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 251–324.
- Алчевская Х. Д.* Достоевский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / сост. и комм. К. Тюнькина. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 325–342.
- Гегель Г. В. Ф.* Политические произведения. М.: Наука, 1978.
- Гегель Г. В. Ф.* Сочинения. М.: Партиздат, 1932. Т. 9: Лекции по истории философии. Кн. 1.
- Гераклит* // Фрагменты ранних греческих философов / изд. подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. С. 156–257.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1981. Т. 22: Дневник писателя за 1876 год. Январь — апрель.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1981. Т. 23: Дневник писателя за 1876 год. Май — октябрь.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1982. Т. 24: Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь — декабрь.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1983. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь — август.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1984. Т. 26: Дневник писателя. 1877 сентябрь — декабрь, 1880 август.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1: Письма 1832–1859.
- Кант И.* К вечному миру // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека [сайт]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 11.03.2025).
- Кант И.* Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994.
- Кант И.* Собрание сочинений в 8-ми томах. М.: Чоро, 1994. Т. 4.

Литература

- Акелькина Е. А. «Дневник писателя» за 1876–1877 гг. // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 263–272.
- Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923.
- Волгин И. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.
- Волгин И. Л. «Дневник писателя»: текст и контекст // Достоевский: Материалы и исследования / ред. Г. М. Фридлендер. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. Т. 3. С. 151–158.
- Волкова Е. А. «Дневник писателя» как отражение исторической концепции Ф. М. Достоевского // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. URL: <https://vestnik.rsu-rzn.ru/wp-content/uploads/2016/12/2.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).
- Иустин (Попович), преп. Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб.: Сретенский монастырь, 2002.
- Касаткина Т. А. Художественные тексты в составе «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского: контекстный анализ // Вопросы литературы. URL: <https://voplit.ru/article/hudozhestvennye-teksty-v-sostave-dnevnika-pisatelya-f-m-dostoevskogo-kontekstnyj-analiz/> (дата обращения: 11.03.2025).
- Кочуков С. А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов: Наука, 2012.
- Кочуков С. А. Отношение образованного общества России к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Власть. 2011. № 11. С. 163–166.
- Кочуков С. А. Ф. М. Достоевский и русско-турецкая война 1877–1878 годов // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 69–73.
- Круглов А. Н. Беллицистский взгляд Гегеля на войну. Исходное состояние и ранние произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2022. Т. 26. № 3. С. 644–657. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-644-657>
- Лунькова Н. А. «Мать — Россия новых родных деток нашла...»: о роли образа ребенка в трактовке славянской идеи в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 196–208. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-196-208>
- Мамардашвили М. Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002.
- Мехед Г. Н. Опыт сравнительного исследования этики И. Канта и Ф. М. Достоевского: методологический комментарий // Философская мысль. 2016. № 11. С. 130–143. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.11.2030>
- Патрушев А. И. Германская история. М.: Весь Мир, 2003.
- Румянцев Т. Г. Гегель о правомерности и нравственном значении войн versus кантовской идеи «вечного мира» // Социология. 2013. № 2. С. 70–74.
- Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): Критика текста. М.: Квадрига; МБА, 2011.

Юдахин А. А. «Не всегда война бич, иногда и спасение»: философия войны Ф.М. Достоевского // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2022. Вып. 4 (307). С. 104–114. <https://doi.org/10.53598/2410-3489-2022-4-307-104-114>

References

- Akel'kina, E. A., 2008. "A Writer's Diary" 1876–1877. In: G. K. Shchennikov, B. N. Tikhomirov, eds. *Dostoevsky: Works, Letters, Documents: A Dictionary-Reference Book*. St Petersburg: Pushkinskii dom, pp. 263–272. (In Russian)
- Berdyaev, N. A., 1923. *Dostoevsky: An Interpretation*. Prague: The YMCA PRESS Ltd. (In Russian)
- Iudakhin, A. A., 2022. "War is not always a scourge, sometimes it is salvation": the philosophy of war by F. M. Dostoevsky. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Philology and Art Criticism, 4 (307), pp. 104–114. <https://doi.org/10.53598/2410-3489-2022-4-307-104-114>. (In Russian)
- Kasatkina, T. A., 2011. Fictional Texts in the "A Writer's Diary" by F. M. Dostoevsky: Contextual Analysis. *Voprosy literatury*. URL: <https://voplit.ru/article/hudozhestvennye-teksty-v-sostave-dnevnika-pisatelya-f-m-dostoevskogo-kontekstnyj-analiz/> (accessed: 11.03.2025). (In Russian)
- Kochukov, S. A., 2010. F. M. Dostoevsky and the Russo-Turkish War 1877–1878. *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, Ser.: History. International Relations, Vol. 10, Iss. 2, pp. 69–73. (In Russian)
- Kochukov, S. A., 2011. The attitude of educated Russian society to the Russian-Turkish war of 1877–1878. *Vlast'*, 11, pp. 163–166. (In Russian)
- Kochukov, S. A., 2012. "For the Slavic brothers": the Russian-Turkish war of 1877–1878 in the perception of society, power and army of the Russian Empire. Saratov: Nauka. (In Russian)
- Kruglov, A. N., 2022. Hegel's bellicist view of the war. Initial state and early works. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Ser.: Philosophy, Vol. 26, Iss. 3, pp. 644–657. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-644-657>. (In Russian)
- Lunkova, N. A., 2024. "Mother Russia discovers new real children": on the role of the child's image in interpretations of Slavic idea in "A Writer's Diary" by Fyodor Dostoevsky. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, Vol. 73, pp. 196–208. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-196-208>. (In Russian)
- Mamardashvili, M., 2002. *Kantian Themes*. Moscow: Agraf. (In Russian)
- Mekhed, G. N., 2016. The experience of comparative analysis of the ethics of I. Kant and F. M. Dostoyevsky: methodological commentary. *Filosofskaia mysl'*, 11, pp. 130–143. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.11.2030>. (In Russian)
- Patrushev, A. I., 2003. *German history*. Moscow: Ves' Mir. (In Russian)
- Popović, Justin, St., 2002. *Dostoevsky on Europe and Slavism*. Moscow; St Petersburg: Sretenskii monastery'. (In Russian)
- Rumiantseva, T. G., 2013. Hegel on the legitimacy and moral significance of wars versus Kant's idea of "eternal peace". *Sotsiologiya*, 2, pp. 70–74. (In Russian)
- Tarasova, N. A., 2011. "A Writer's Diary" by F. M. Dostoevsky (1876–1877): Textual Criticism. Moscow: Kvadriga; MBA. (In Russian)

Volgin, I., 2019. *Nobody's Contemporary: Dostoevsky's Four Circles*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russian)

Volgin, I. L., 1978. "A Writer's Diary": *Text and Context*. In: G.M. Fridlender, ed., 1978. *Dostoevsky: Materials and Research. Vol. 3*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe ot-delenie, 1978, pp. 151–158. (In Russian)

Volkova, E. A., 2016. "A Writer's Diary" as a reflection of the historical concept of F. M. Dostoevsky. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Eсенина*, URL: <https://vestnik.rsu-rzn.ru/wp-content/uploads/2016/12/2.pdf> (accessed: 11.03.2025). (In Russian)